

В.В. Радлов

К вопросу об Уйгурах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.В. Радлов**
К вопросу об Уйгурах / В.В. Радлов – М.: Книга по Требованию, 2014. –
132 с.

ISBN 978-5-4241-6309-8

К вопросу об Уйгурах. Приложение к 72 тому Записок Императорской Академии наук №2. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика.

ISBN 978-5-4241-6309-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

которые соединились съ нимъ и оказались его помощниками, Огузь далъ имя Уйгуръ. Значеніе этого имени, каковое есть слово турецкое, по персидски будетъ «онъ соединился съ нами и оказалъ помощь и согласіе».

Абульгазій сообщаетъ тоже преданіе, но, въ качествѣ тюрка, пытается словопроизводство прозвища «Уйгуръ» обосновать болѣе точно.

«Огузь-Ханъ даровалъ имъ наименованіе Уйгуръ. Уйгуръ — тюркское слово, значеніе котораго извѣстно всему міру — оно означаетъ «сторонникъ (япышгуръ)». Говорятъ: молоко створаживается (уюнды) — покуда молоко остается молокомъ, отдѣльныя его части отдѣлены другъ отъ друга, но когда молоко свернется, его отдѣльныя частицы сплавиваются, соединяются вмѣстѣ; также говорятъ: я сообразуюсь, слѣдую Имаму, т. е. когда онъ садится, и я сажусь, — онъ стоитъ и я стою. А развѣ это не значитъ «пристать», когда они пришли и обѣими руками крѣпко ухватились за полу кафтана Огузь-Хава; тутъ ихъ Ханъ и назвалъ Уйгурами, т. е. приставшими, сторонниками».

Я привелъ здѣсь дословно оба объясненія слова Уйгуръ, ибо эти именно объясненія стали точкою отправленія для цѣлаго ряда соображеній, посвящаемыхъ различными учеными объясненію этого прозвища. Такъ Клапротъ, въ своемъ изслѣдованіи «Языкъ и письменность Уйгуровъ», сопоставляетъ цѣлый рядъ извѣстій объ Уйгурахъ въ доказательство тюркскаго ихъ происхожденія и естественно на первый планъ здѣсь выдвигаются свидѣтельства Рашидъ-Эддина и Абульгазія.

Для изслѣдователя монгольскаго языка и народа Я. И. Шмидта, который пытается опровергнуть воззрѣніе Клапрота, и, въ свою очередь, выставляетъ предположеніе, будто Уйгуры тибетскаго происхожденія, почему и ихъ прозвище слѣдуетъ выводить изъ монгольскаго языка, этимологія Рашидъ-Эддина и Абульгази оказывается совершенно неудобною, а потому и оспа-

ривается имъ весьма рѣшительно¹⁾. «Абульгазій», говоритъ онъ, «который хватается за каждый случай истолковывать значеніе словъ, хотя бы и не понималъ ихъ, и здѣсь проявляетъ свое неудачное остроуміе, но эта жалкая этимологія (?) для насъ безразлична, разъ мы знаемъ, что «Уйгуръ», въ смыслѣ слова, имѣющаго дѣйствительно значеніе (sic!), встрѣчается лишь въ монгольскомъ языкѣ и обозначаетъ чужестранца, языкъ коего не понятенъ; слово это въ этомъ значеніи вѣроятно и было примѣнено для обозначенія Тангутовъ». Далѣе, по выводу Я. И. Шмидта, оказывается, будто показаніе Рашидъ-Эддина основано на опискѣ и ошибкѣ въ произношеніи подлежащаго слова, что произошло отъ неправильной постановки диакритической точки надъ монгольскимъ словомъ خدرن (товарищъ).

Эта этимологія слова Уйгуръ, выставленная Шмидтомъ, вызвала Клапрота на возраженіе и побудила его распространиться объ этимологіи, приводимой Абульгазіемъ; въ защиту ея приводятся нижеслѣдующія соображенія:

«Достойные вѣры авторы свидѣтельствуютъ, что слова *ouïoug* и *ïougoug* означаютъ «привязанный», «присоединенный» — тотъ-же корень встрѣчаемъ мы и въ латинскомъ словѣ *jungere* (sic!). Пусть г. Шмидтъ не тревожится превращеніемъ звука *g* въ *ng*; примѣръ тому онъ имѣетъ въ словѣ «монголъ» или «моголъ», какъ его пишутъ Арабы, Персы и Турки. Г. Шмидтъ перестанетъ этому удивляться, если узнаетъ, что въ восточно-турецкомъ языкѣ корневое сходство слова *ouïoug* съ *ïougoug* (родственными словамъ: *ouyoughanmak* [скисать] и *yoghourd* [кислое молоко]) совершенно совпадаетъ со сродствомъ латинскихъ словъ *coalitus* (союзъ, собраніе), *coalescere* (сгущаться, киснуть) и *coagulum* (кислое молоко, сыръ), происходящихъ отъ одного корня»²⁾.

1) *Forschungen auf dem Gebiete der Völker Mittelasiens*. Спб. 1824, стр. 95.

2) *Mémoires relatifs à l'Asie*. Т. II, стр. 233.

Къ выставленной Абульгазиемъ этимологіи слова «Уйгуръ» присоединяется и Каземъ-бекъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ ¹⁾, въ тюркскомъ языкѣ мы находимъ корень этихъ созвучныхъ словъ (Уиръ, Уюръ, Уйгуръ и проч.), являющихся въ разныхъ формахъ, въ разныхъ измѣненіяхъ, сообразныхъ съ различіемъ самыхъ нарѣчій и имѣющихъ вездѣ значеніе — *предаться, послѣдовать, примѣляться, соединиться*, а причастіе отъ него *союзникъ*, напр. въ турецкомъ и азербейджанскомъ нарѣчіяхъ *Уймакъ* часто употребляется во всѣхъ этихъ значеніяхъ и говорятъ: *آينك سوزينه اويما* *аннынъ союзе ойма* «не поддавайся (не вѣрь) его словамъ». Татары часто употребляютъ *уюмакъ* въ значеніи *примѣляться* и *слѣдовать*. Мы можемъ удовольствоваться примѣрами, приводимыми Абульгазиемъ въ монгольскомъ языкѣ *ойху*, между другими значеніями, выражающій *примѣляться, слѣдовать*. Такъ какъ, помимо этого, тюркскіе и монгольскіе народы часто образовывались черезъ соединеніе аймаковъ, то противъ этимологіи Абульгазія ничего нельзя возразить, тѣмъ болѣе, что монгольское племя Ойротовъ имѣетъ подобное-же значеніе и произошло такимъ-же образомъ».

Казембекъ кромѣ того замѣчаетъ, что примѣры слитія звука *з* съ *у, и, о* и наоборотъ (*sic!*) не рѣдки въ словахъ, гдѣ эти звуки встрѣчаются, въ тюркскихъ діалектахъ вообще (?). Такъ *уймакъ* (спать) въ нѣкоторыхъ тюркскихъ языкахъ превращается въ *уюмакъ*, а въ другихъ въ *уйнумакъ*.

Наконецъ несомнѣнно и Плано Карпини, слѣдуя выговору Татаръ и Уйгуръ, называетъ именно этихъ послѣднихъ, когда говорятъ о племени «Уиръ».

Вамбери ²⁾ присоединяется къ тому-же воззрѣнію: онъ замѣчаетъ, по поводу этимологіи слова *Уйгуръ*, что каждый современнѣйшій тюркологъ долженъ опредѣлить истиннаго значенія

1) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1841. Августъ. стр. 58.

2) Въ «Uigurische Sprachmonumente», стр. 2.

этого слова. Корень *у* или *уй* означаетъ, какъ то утверждаетъ уже Абульгазій, *сльдовать, приспособиться, повиноваться, войти въ соглашеніе*, какъ напр. въ امامغه اويدوم (я слѣдую Имаму). Суффиксъ-же غور, если присоединяется къ кореннымъ словамъ (??) (см. Sag. Sprachstudien, стр. 28), и понынѣ въ Туркестанѣ служитъ для обозначенія прилагательныхъ именъ, напр. توبغور тойгуръ (сытый), توبماغور тоймагуръ (не сытый), تينغور тынгуръ (покоящійся), تينماغور тынмагуръ (непокоящійся). Такъ и *Уйгуръ* означаетъ *сльдующій, мирный, совместно живущій, сожителствующій* въ противоположность *Уймагуръ непослушный, немирный, строптивый* и мотивируетъ наименованіе племени весьма мѣтко, если допустить, что Уйгуры вели мирную жизнь въ то время, когда прочіе ихъ сородичи, являясь необузданнѣйшими кочевниками, начали какъ потокъ изливаться, на западъ отдѣльными толпами».

Наконецъ и Вильгельмъ Шоттъ ¹⁾, разбирая критически сдѣланную Клапротомъ и приведенную выше выдержку изъ Абульгазія, самъ также затрогиваетъ споръ о происхожденіи слова *Уйгуръ*. Шоттъ прежде всего отмѣчаетъ, что, по его убѣжденію, османскій поли-гисторъ Хаджи Хальфа въ своемъ обзорѣ міра (جهان نامه) производитъ имя Уйгуръ отъ слова اوبق *привязаться, столкнуться*, а отсюда *быть прилипчивымъ, заразительнымъ* (объ эпидеміяхъ). Далѣе Шоттъ приводитъ турецкія фразы: آينيك سوزينه اوبما или جهاننه اوبما (не прилѣпляйся къ міру) и, основаясь на окончаніи غور, присоединяется къ приведенному уже выше мнѣнію Вамбера. «Меня поражаетъ», продолжаетъ Шоттъ, «что въ монгольскомъ языкѣ встрѣчается слово *Дзуйгуръ* (очевидно состоящее изъ *Дзуй-+гуръ*) въ значеніи *обманщикъ*, давшее производную глагольную форму *дзуйгурла* (обманывать). Возникло-ли это слово взамѣнъ уйгуръ? Могло это очень легко произойти черезъ измѣненіе звуковъ; на это указываетъ побочная форма корня *уй* съ

1) Въ Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1873 г. въ статьѣ «Zur Uigurenfrage», стр. 114.

приставкою *j*, а дѣйствительное существованіе такой формы подтверждается тибетскимъ языкомъ и встрѣчающимся у Руйсброка словомъ *Jugur* и очевидно указываетъ на вѣроятность образованія турецкаго глагольнаго корня *юж* или *йук* (пригѣпить, привязать) изъ корня *уй*. Звукъ *з* въ концѣ слога въ турецкихъ словахъ легко переходитъ въ *й*, а иногда и совсѣмъ выпадаетъ, такъ что *юй*, *ю* и *ю* очень легко могутъ въ говорѣ и на письмѣ замѣнять другъ друга. Если-же необычная форма имени *Уйгуръ* у Монголовъ получила значеніе обманщика, то не является-ли этотъ фактъ совершенно параллельнымъ выраженію «Уйгурскій разумъ», которое, по Вамбери¹⁾, употребительно даже у тюркскихъ племенъ въ значеніи *хитрость*».

Въ виду цѣлаго ряда приведенныхъ выше этимологій, позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Выставленное Клапротомъ, въ видѣ возраженія И. Я. Шмидту, сравненіе сопоставляемыхъ по этому поводу тюркскихъ корней съ латинскимъ *jungere*, едва-ли требуетъ опроверженія — это одинъ изъ тѣхъ обычныхъ въ доброе старое время приемовъ сближенія случайныхъ созвучій, который не имѣетъ за собою и слѣда доказательной силы. Къ той-же категоріи принадлежитъ и сравненіе *Uigur* (союзники) и *jogurt* съ латинскими *coalitus*, *coalescere* и французскимъ *coalition*. Подобныя дикія этимологическія сравненія, разумѣется, теперь ужъ не заслуживаютъ вовсе разсмотрѣнія.

Что касается прочихъ этимологическихъ объясненій слова *Уйгуръ*, то они, по крайней мѣрѣ, опираются на дѣйствительно тюркскіе корни и потому до нѣкоторой степени обоснованы. Мною здѣсь были приведены всѣ высказанныя разными писателями взгляды *in extenso*, дабы самъ читатель могъ ясно оцѣнить, куда ведутъ подобныя объясненія собственныхъ именъ.

1) *Uigurische Sprachmonumente*, стр. 2, прим. 1.

Предложенная напр. Рашидъ-Эддиномъ этимологія, которую онъ несомнѣнно заимствовала отъ какого-нибудь тюрка одновременно съ самой легендою объ Огузъ-Ханѣ, имѣеть чисто народный характеръ и столь-же несомнѣнно, что самая эта этимологія была точкою отправленія для созданія позднѣйшей по времени легенды. На подобныя народныя этимологіи лично мнѣ самому приходилось наталкиваться, по поводу объясненія туземцами различныхъ тюркскихъ племенныхъ прозвищъ. Такъ Кара-Киргизы (*Кыргыз*) мнѣ рассказывали, будто ихъ родъ происходитъ отъ 40 дѣвушекъ (*Кырк-+кыз*). Барабинскіе Татары объясняютъ свое имя тѣмъ, что они будто-бы не вышли (*барбадыларъ*) вмѣстѣ съ Кучумъ-Ханомъ, хотя въ русскихъ источникахъ о барабинцахъ встрѣчаются извѣстія, предшествующія той эпохѣ, когда Кучумъ направился на югъ. Аялы выводятъ свое прозвище изъ того, что они потребовали отсрочки (*аял*) для дальнѣйшаго сопровожденія проходившаго черезъ ихъ предѣлы Кучума; Туралы же изъ того, что они остались жить (*тура-калдылар*) на прежнихъ мѣстахъ. Калмыки, будто-бы, стали называться *Калмакъ*, потому что они остались (*калдылар*) въ Алтаѣ. Дунганы (*Тунганъ*), по показанію Таранчей, первоначально получили свое прозвище отъ того, что остались жить (*турганъ*) на прежнихъ мѣстахъ, когда Чингизъ-Ханъ предпринялъ свои завоевательные походы. Наконецъ Конгтайджи, по увѣренію горныхъ алтайскихъ Калмыковъ, былъ причиною тому, что и самыя горы получили наименованія Алтая, такъ какъ онъ тамъ прожилъ шесть мѣсяцевъ (*алты ай*).

Абульгазій и Казембекъ, въ качествѣ литературно образованныхъ тюрковъ, поддерживая преданіе, выставленное Рашидъ-Эддиномъ, лишь пытаются придать упоминаемой въ немъ этимологіи лучшее основаніе. Абульгазій при этомъ, однако-же, впалъ въ ту ошибку, что соединилъ вмѣстѣ 2 глагольныхъ корня: *уй* (примѣривать, слѣдовать) съ *ую* (*уюн*) (свернуться [о молокѣ]), которые рѣзко различаются уже въ Кудатку-Биликѣ, т. е. за нѣсколько вѣковъ до Абульгазія. Я въ под-

твержденіе этого приведу нѣсколько примѣровъ употребленія обоихъ корней:

1) *ут* (Кудатку-Биликъ и Китайско-Уйгурскій словарь) *уй* (джагатайское, азербейджанское и османское нарѣчія) слѣдовать, подражать, напр. въ фразѣ: *земап сама уймаца сен земана уй* (если время не примѣряется къ тебѣ, примѣряйся ты ко времени) и другіе примѣры, приведенные Шоттомъ и Казембекомъ.

2) *уду* (Куд.-Бил. и саянское нарѣч.) спать, *узу* (шорское и сагайское нарѣч.) оокостѣнѣть, затвердѣть, спать, *ую* (киргизское, команское и джагатайское нарѣч.) плотнѣть, замереть, (о членахъ въ османск. діал.), спать (Коман.) [Codex Coman. стр. 19] *ujurmen dogşio*. Отъ послѣдняго въ османск. діал. производное Nom. verbale *уюху* (сонъ), *уйку* (телеутское, алтайское, киргизское и кара-киргизское нарѣч.), а отъ него опять *уюкта* (алтайское нар.) спать, *уюкла* (иртышское нар.), *уйкта* (телеутское, киргизское и кара-киргизское нар.).

О постепенномъ смягченіи корней *ут*, *ус*, *уй* и *уду*, *узу*, *ую* срав. мою Фонетику § 328. Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что въ древнѣйшихъ формахъ обоихъ глаголовъ звукъ *j* замѣняется *t* и такимъ образомъ слово уйгуръ, если его производить изъ этого корня, несомнѣнно въ древнее время должно было произноситься *уткуръ*. Вамбери обратилъ вниманіе на это обстоятельство¹⁾, но, къ сожалѣнію, эту вскользь брошенную мысль не развилъ подробно.

Казембекъ всѣ свои соображенія связываетъ съ этимологіею, выставленною Абульгазиемъ, но слову Уйгуръ онъ придаетъ значеніе причастной формы, а образованіе этого слова представляетъ себѣ, какъ *уйг* (*уй*)—*ур*; поэтому слова *уйгуръ* и *уйр* онъ принимаетъ лишь за діалектическіе варианты. Но такъ какъ Казембекъ вообще не имѣлъ понятія о законахъ фонетики и въ своей грамматикѣ на точныя изслѣдованія звуковыхъ дан-

1) Uigurische Sprachdenkmäler, стр. 1.

ныхъ языка смотрѣлъ какъ на пустую забаву, то онъ и не понималъ невозможности самаго превращенія этихъ звуковъ другъ въ друга. Абульгазіѣ въ данномъ случаѣ оказывается болѣе толковымъ грамматикомъ, такъ какъ разлагаетъ эти формы на уй-+гур и жапыш-+гур, что указываетъ на правильную оцѣнку аффикса *гур*. Впрочемъ, это у Абульгазія совершенно понятно, такъ какъ въ діалектѣ, на которомъ онъ говорилъ самъ, аффиксъ *гур* присоединялся къ корнямъ для образованія прилагательныхъ именъ.

Вамбери объясняетъ образованіе слова Уйгуръ совершенно такъ-же, какъ и Абульгазіѣ, но я сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ новѣйшихъ тюркологовъ согласился съ мнѣніемъ Вамбери. Въ подтвержденіе этой этимологіи онъ приводитъ доказательства того, что путемъ присоединенія аффикса *гур* образуются прилагательныя имена. Изъ перечисляемыхъ имъ примѣровъ слово *тынгур* (تینغور) мы однако-же напрасно станемъ искать въ словарѣ, помѣщенномъ въ «Sagataische Studien» того же Вамбери, тогда какъ тамъ-же на стр. 267 мы находимъ *тойгур* (تویگور) вмѣсто *тойгур*. Изъ словъ на *гур* или *кур*, на которыя въ данномъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, въ Джагатайскомъ словарѣ его мы находимъ лишь слѣдующія формы:

- اساڭور (asapkur) какое-то кушаніе,
- اویگور (uigur) нисходятельный,
- اویماگور (uimagur) упрямый,
- تاڭور (tapkur) идущая на баранту (грабежъ) часть войска,
- سانگور (sankur) удивленіе,
- تویماگور (toimagur) несвѣдущій,
- شانگور (šangur) стукъ, лязгъ,
- سوغور (sugur) ведро,
- یقیلماگور (jikilmagur) стойкій.

Правда, большая часть этихъ формъ представляютъ собою *аморфныя* образованія, т. е. въ грамматическомъ народномъ

сознаніи онѣ не могутъ уже быть расчленены на корень и окончаніе, но во всякомъ случаѣ такія формы, какъ *toigur* и *toimagur*, *tingur* и *tinmagur*, *uidur* и *uimagur* показываютъ, что въ нарѣчіяхъ, изслѣдованныхъ Вамбери, окончанію *gur* еще свойственна извѣстная доля жизненной силы.

Употребленіе аффикса *gur*, главнымъ образомъ съ отрицательными глаголами, столь-же странно, какъ и тотъ фактъ, что слово *Уйгуръ* до сихъ поръ будто-бы употребляется въ Средней Азіи въ значеніи *снисходительный, податливый, уступчивый*. Между тѣмъ уже Абульгазій не знаетъ этого выраженія и находитъ нужнымъ пояснять его словомъ *януикуръ*. Въ изслѣдованныхъ мною лично діалектахъ, даже и въ древне-уйгурскомъ, частица *gur* является уже въ качествѣ аморфнаго аффикса: среди имѣющагося у меня въ данную минуту подъ рукою лексического матеріала, достаточно привести тому слѣдующія доказательства:

уккур (Алт.) послушный отъ *ук* — слушать,
учкур (Тел.) бѣглый, мимолетный отъ *уч* — летѣть,
камур (Кыр.) оставшійся назади отъ *кал* — остаться;

дагѣ:

омур (Тар.) стягъ,
тап-кур (Алт.) басня, выдумка отъ *тап* — найти,
сескир (Алт.) ищейка отъ *сес* — чуютъ,
паткыр (Тел.) позывъ на рвоту,
мамыр (Алт.) богатый скотомъ отъ *мап* — скотъ,
кумур (Каракирг.) ругательное слово отъ *кул* — рабъ,
тоскур (Алт.) корыто отъ *тос* — березовая кора.

Кромѣ аморфнаго аффикса *kur*, *gur*, встрѣчается и другой аморфный-же аффиксъ *kor*, *kar*. Напр.:

оігор (Тел.) умный отъ *оі* — разсудокъ,
опкор (Алт.) болото отъ *оп* — всасывать.

Слово *оігор* (*оігур*) умный, хитрый — какъ подтверждаетъ

примѣръ, приведенный мною изъ телеутскаго нарѣчія, не имѣеть ничего общаго съ наименованіемъ народа *Уйгуръ* и отнюдь не является прозвищемъ, въ которомъ бы заключался намекъ на обозначеніе умственнаго превосходства Уйгуровъ¹⁾.

Такимъ образомъ исчезаетъ всякая вѣроятность предположеній Шотта, будто монгольское слово *дзуйгуръ* находится въ связи съ обозначеніемъ народа Уйгуръ. Разъ глагольные корни *уй* и *ую* почти въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія строго различаются другъ отъ друга, болѣе чѣмъ рискованно къ возможной, пожалуй, группѣ *ут, уду (уй, ую)* тѣсно приурочивать цѣлый рядъ другихъ еще корней, въ родѣ:

юк, юг — оставаться висѣть,

югур, юра — мѣсяць,

йогур, йогурт — свернуться, створожиться; кислое молоко.

Если мы теперь спросимъ, къ какимъ результатамъ привели всѣ эти этимологіи, то должны будемъ признать, что результаты оказались ничтожными и мало способствовали разъясненію дѣйствительнаго происхожденія прозвища Уйгуровъ.

Онѣ дали поводъ къ образованію сагъ и легенды объ Огузѣ; Клапротъ усмотрѣлъ въ нихъ доказательство тюркскаго происхожденія Уйгуръ; Шмидтъ, на оборотъ, свои этимологическія толкованія ведетъ къ тому, чтобы доказать, что Уйгуры не были Тюрками; Казембекъ полагаетъ возможнымъ заключить, что словомъ Уйгуръ обозначается скопленіе многочисленныхъ тюркскихъ племенъ въ одно плотное цѣлое; наконецъ Вамбери въ имени Уйгуръ видитъ указаніе на высшую степень культуры, которой достигла въ раннее время часть, приобрѣтшихъ осѣдность, восточныхъ тюрковъ и ему кажется, что Уйгуры — *послушные, соединившіеся другъ съ другомъ, мирно бокъ о бокъ живущіе* тюрки въ противоположность Уймагурамъ *противоборствующимъ, немирно живущимъ*.

1) Uigurische Sprachmonumente, стр. 2.